

следует, что при предшественнике Андроника в Афинах была проведена податная скидка и наместник Просух составил соответствующий катастих. Однако, когда Андроник пришел к власти, в Афины был послан другой правитель, деятельность которого тяжело ударила по бедноте (τῶν πτωχότερων)⁴: осуществленная при Андронике I податная скидка оказалась выгодной властелям (τοῖς δυναμένοις)⁵.

И политика Андроника в отношении городов отнюдь не была столь благоприятной, как полагает Юревич; узурпатор, бесспорно, опирался на константинопольскую чиновную и торгово-ремесленную знать, но провинциальные города были враждебны новому режиму: именно оттуда исходили основные движения, направленные против Андроника.

Для изучения политической программы Андроника могли быть привлечены и некоторые неизданные произведения, например речь Григория Антиоха к патриарху Василию Каматиру, одному из самых ревностных сторонников Андроника. Эта речь содержится в известном Эскуриальском сборнике Y. II. 10. Антиох сообщает о чистке клира, осуществленной вновь поставленным патриархом. «Все здание церкви, — читаем мы в речи, — очищено и вытряхнут из него собраный там мусор несправедливости» (л. 254 об.). Оратор подчеркивает демократизм Василия, что также соответствовало официальной программе Андроника: «Ты не закрываешь дверей, не преграждаешь доступ стучащимся. Напротив, ты растворяешь все входы» (л. 254). Наконец, мы узнаем, что церковь вынуждена была распоститься с частью своих богатств: теперь она, говорит оратор, не покрывалась чуждыми ей накладными украшениями, которые собирала вчера и позавчера, — ее красота стала природной (л. 255).

На стр. 123 Юревич останавливается на деятельности кравчего Алексея Комнина, который, по его мнению, был послан к половцам, а затем бежал в Сицилию и выступил одним из организаторов норманского вторжения. Автор не учитывает, однако, работы X. Лопарева, считавшего, что Алексей ездил не к половцам, а на Русь⁶.

Красочно и ярко изобразив конец императора, Юревич стремится показать, что память о нем продолжала жить у византийцев (стр. 134). Однако приводимые им примеры сомнительны. Вряд ли Андроник акритского цикла — это Андроник Комнин: обычно в нем видят Андроника Дуку, полководца начала X в. Стихотворение Цеца из Cod. Paris. 2644, как теперь выяснилось, не имеет никакого отношения к Андронику I⁷. Монодия Михаила Италика (?) из Cod. Vagoss. 131 относится не к Андронику I, а к севастократору Андронику, уже упомянутому выше⁸.

Несмотря на некоторые недочеты, книга Юревича — наиболее подробное и удобное пособие для изучения деятельности Андроника Комнина.

A. K.

EUSTAZIO DI TESSALONICA. LA ESPUGNAZIONE DI TESSALONICA.

Testo critico introduzione annotazioni di S. Kyriakidis, proemio di B. Lavagnini, versione italiano di V. Rotulo. Palermo, 1961, p. LXIV + 193

Сочинению византийского ритора и церковного деятеля XII в. Евстафия Солунского, носящему условное название «О взятии Солуни», в последнее время повезло: в 1955 г. был издан его немецкий перевод, выполненный Г. Хунгером¹, а вслед за тем греческий исследователь С. Кириакидис подготовил новое критическое издание текста, снабженное итальянским переводом В. Ротуло. Книга вышла в серии «Testi e monumenti», издаваемой Сицилийским институтом византийских и новогреческих исследований (vol. 5.).

Сочинение Евстафия посвящено захвату Солуни норманнами в 1185 г., свидетелем которого был автор, занимавший в то время пост солунского архиепископа. Кроме того, книга является первостепенным источником для изучения деятельности Андроника Комнина. Множество бытовых деталей превращает «О взятии Солуни» в ценнейший памятник для изучения византийской жизни XII в. Отмечу, наконец,

⁴ Mich. Chon., ed. S. Lambros, II, p. 42, 14—17.

⁵ Ibid., p. 54. 21—22.

⁶ X. Л о п а р е в. Алексей Комнин на Руси и в Сицилии. ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, стр. 415 и сл.

⁷ M. A. M a g r i. Il carne inedito di Giovanni Tzetzes De imperatore occiso. «Bollettino Comit. per la prepar. di ediz. naz. d. class. gr. e lat.», 9, 1961 (см. BZ, 55, 1962, S. 135).

⁸ R. B r o w n i n g. Unpublished Correspondance between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos. «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 281.

¹ Die Normannen in Thessalonice («Byzantinische Geschichtsschreiber», Bd. III). Graz—Wien—Köln, 1955.

что Евстафий сообщает и некоторые детали, любопытные для истории нашей родины. Мы узнаем, например, что аланы и грузины принимали участие в обороне Солуни (р. 88.22—23); что лазские и ивирские головные уборы были в ту пору модными у высшей знати империи (р. 50.26—27; 82.8—11). Более существенно известие Евстафия о пребывании на Руси (*διὰ Ταυριχῆς καὶ Σκυθίδος γῆς*) Алексея Комнина, который приходился внучатым племянником Мануилу I (р. 58.24—26). По словам Никиты Хониата, он был сослан к скифам Андроником I².

Основную часть книги занимает текст, снабженный филологическим и реальным комментарием, и параллельный итальянский перевод. Текст издан по единственной сохранившейся базельской рукописи (Bibl. publ. Basilensis A. III.20), которую П. Маас считал автографом Евстафия. Однако Кириакидис убедительно показал, что рукопись содержит ошибки, которые можно считать ошибками переписчика, и, следовательно, не является авторским манускриптом (р. XVII). Последнее обстоятельство определило характер издания: если считать рукопись автографом, конъектуры издателя были бы недопустимы. Но поскольку перед нами копия (хотя и близкая по времени к написанию сочинения), Кириакидис с полным основанием предлагает ряд убедительных конъектур, например р. 24.14; 84.28—29; 108.11 и 12; 118.8, меняющих смысл. Очень важна смелая вставка (р. 66.20—22), ликвидирующая ошибку рукописи, где успение богородицы было отнесено к 6 августа. Непонятна, однако, поправка к р. 10.21: текст и сноски дают одно и то же слово.

Кириакидис обычно учитывает конъектуры прежних издателей и переводчиков, однако он не всегда отмечает, кому принадлежит данная эмендация. Например, поправки к р. 40.13 и 21 были уже сделаны (по рукописи) А. Марином³. Кириакидис исправляет по рукописи большое количество ошибочных чтений первого издателя Т. Тафеля, некритически воспринятых и в переизданиях труда Евстафия.

В филологическом комментарии указаны параллельные места в сочинениях Евстафия, а также античных авторов и некоторых византийских писателей (главным образом Никиты Хониата). Напомню попутно, что употребление слов *ἐξαθέρειν* (р. 18.2) и *ἀναλλος* (р. 120.34) в других сочинениях Евстафия отмечено в словаре Лиддла и Скотта. Выражение *δοῦναι τόπον* (р. 100.4) встречается в неизданном стихотворении Евстафия «На св. Димитрия» (стк. 4). Привожу полностью текст этого маленького стихотворения по рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Греч. ССЛ, л. 81 — об.⁴

Τὸ δ' ἀγιωτάτου Θεσσαλονίκης κῦρ Εὐσταθίου εἰς τὸν ἅγιον Δημήτριον

Τίς ὁ σκόπος σοι τῆσδε τῆς λαβῆς, μάκαρ,
ἔλκεις ἀτρέστως εἰς βάθος τὸν σφαγέα
ἢ τοῦ προχύπτειν κωλύεις περαιτέρω;
δοκῶμεν οὖν γε τῇ σφαγῇ δοῦναι τόπον,
μὴ πως κενεμβατοῦσα τὴν πλευρὰν φύγη
καὶ δεσποτικὸν οὐχ ὑποσταίης πάθος.

Реальный комментарий — к неудобству читателя — разделен на две части: одни сведения приводятся в сносках под переводом, другие — в примечаниях после текста (р. 163—183). Комментарий в сносках рассчитан преимущественно на неспециалиста: в частности, там разъясняются элементарные мифологические имена, отсутствуют ссылки на специальные работы. Примечания в конце книги носят исследовательский характер.

Текст издан аккуратно. В добавление к приведенному в книге списку укажу еще три несущественные опечатки: на стр. 92.24 следует читать *ἐνόπλους*, на стр. 112.12: *κωτίλαντες*, на стр. 148.12: *εἰς*.

В переводе Ротуло нередко исправлены ошибки, допущенные в указанном выше издании Хунгера. Например, *εἰς ἰουδαϊκὴν ἀχαριστίαν* (р. 112.21) переведено здесь (р. 113) *nell'ingratitudine propria dei Giudei* вместо ошибочного *Iudasundank* в немецком переводе (S. 107); *ἐθνικαί* (р. 62.15) Хунгер (S. 64) несколько вольно передает *Volk*, тогда как у Ротуло (р. 65) мы находим более точное: *gente delle province*. Трудное и важное место (р. 66.26—27), которое иные исследователи рассматривают

² Nic. Chon., р. 384. 14—15.

³ A. Maricq. Le manuscrit d'Eustathe de Thessalonique: «La prise de Thessalonique en 1185». Byz., 20, 1950, р. 85.

⁴ В. Г. Васильевский. Описание Порфирьевского сборника византийских документов (Греч. № ССЛ). «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. Приложение». СПб., 1885, стр. 25; P. Wirth. Ein bisher unbekannter Demetrioshymnos des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 52, 1959, S. 320.

как доказательство константинопольского происхождения Евстафия, Хунгер (S. 68) решительно переводит: *die wie wir aus Konstantinopel waren*, тогда как у Ротуло стоит более неопределенное и близкое к оригиналу: *quanti con noi* (μεθ' ἡμῶν) *erano di Costantinopoli* (см. список печаток. О толковании этого места — р. XXVIII).

Изданию предпослана подробная статья, где Кириакидис характеризует предыдущие издания и переводы сочинения Евстафия, анализирует особенности рукописи, рассматривает содержание труда «О взятии Солуни» и, что особенно интересно, исследует жизнь и деятельность Евстафия.

Евстафий, называемый здесь Катафлороном⁵ (несклоняемое имя, подобно «Катакалон»), архиепископ Солунский, был одним из крупнейших византийских литераторов второй половины XII в. Однако его творчество до сих пор еще не стало предметом специального анализа⁶ — поэтому сводка данных о его биографии, приводимая Кириакидисом, весьма полезна. Впрочем, Кириакидис ограничивается по преимуществу внешним описанием жизни Евстафия. Определение деятельности солунского архиепископа носит скорее моральный («Евстафий был хорошим пастырем» — р. XLVIII), нежели социальный характер, хотя Кириакидис и отмечает его принадлежность к знатной фамилии (р. XXVII). По-прежнему остается необходимым выяснить то место, какое занимал Евстафий в борьбе политических группировок того времени, чем определялось его отношение к политике Мануила I, кем были те многочисленные враги, о которых Евстафий пишет, какие причины вызвали те требования реформы монашества, какие постоянно выдвигал солунский архиепископ. Очень существенно было бы, в частности, собрать многочисленные высказывания Евстафия, одобрительно отзывавшегося о том, что Мануил I привлекал в Константинополь иноземных воинов: быть может, эти пролатинские тенденции нашего писателя в какой-то мере могут объяснить, почему ему удалось довольно скоро найти общий язык с норманской знатью в завоеванной Солуни. Конечно, было бы несправедливо упрекать Кириакидиса в том, что введение к изданию не переросло в специальную монографию, но труд греческого ученого показывает, как мало мы еще знаем о Евстафии Солунском.

Установление отдельных моментов жизни Евстафия, как отмечает сам Кириакидис, часто затруднено недостатком сведений. Для определения времени рождения Евстафия очень важно упоминание в одной из его речей о том, что он был еще молод к моменту, когда бог вознес Мануила I «на царственную высоту». Кириакидис (р. XXIX) понимает это место в его прямом смысле и относит к вступлению Мануила I на трон в 1143 г. — в отличие от П. Вирта, который полагал, хотя и без достаточных оснований, что Евстафий имел в виду провозглашение Мануила севастократором⁷. Вместе с тем Кириакидис высказывает вполне вероятное предположение, что «молодость» Евстафия в 1143 г. была литературной фикцией, тогда как на самом деле он был уже взрослым человеком.

Год смерти Евстафия может быть указан с большей точностью, чем это делает Кириакидис (р. XL): *terminus post quem* — не сентябрь 1193 г., а 1195 г.⁸

Вопреки Кириакидису (р. XLV), Евстафий не занимал должности начальника прошений (*ἐπί τῶν δεήσεων*). 19-е послание Евстафия, на котором основывается Кириакидис, было предметом специального анализа Э. Курца, показавшего, что пост начальника прошений занимал не автор, а адресат этого послания. Курц внес соответствующую поправку в лемму 19-го послания и убедительно выяснил, что адресатом его был начальник прошений Никифор Комнин, которому Евстафий писал неоднократно⁹. По мнению Кириакидиса, Евстафий стал магистром риторов, в 1172—1174 гг. (р. XLVI) — но он уже назван в лемме речи 1166/8 г.¹⁰ Вряд ли сле-

⁵ Ж. Даррузе (J. Darrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173. BS, 24, 1963, p. 74) полагает, что Катафлорон — имя не Евстафия, а его дяди.

⁶ К сожалению, незаслуженно забыта большая работа о Евстафии: А. В. Г о в о р о в. Евстафий, митрополит Солунский, писатель 12-го века (К характеристике внутренней истории Византии). «Православный собеседник», 1883, январь, май, октябрь.

⁷ См. мои критические замечания в аннотации на работу Вирта: ВВ, XXIII, 1963, стр. 305.

⁸ P. Wirt h. Ein neues Terminus ante quem non für das Ableben des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 54, 1961, S. 86f. Ср. также заметку: V. L a u r e n t BZ, 55, 1962, S. 174. Работа Вирта, однако, вышла одновременно с рецензируемой книгой.

⁹ Э. Курц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манассии монодии на кончину Никифора Комнина. ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 287 сл. Эта работа осталась неизвестной и Вирту: см. его рецензию на публикацию С. Кириакидиса (BZ, 55, 1962, S. 80 f.).

¹⁰ W. R e g e l. Fontes rerum byzantinorum, f. 1. Petropoli, 1892, p. 126. 1—2. О дате см. P. Wirt h. Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jhdts. München, 1960, S. 24.

дует в настоящее время называть Михаила Акоминатом (р. LIX) — это фамильное имя не засвидетельствовано в источниках.

В целом же рецензируемое издание — ценный труд, позволяющий продвинуться вперед в изучении творчества Евстафия Солунского.

А. К.

I. ŠEVČENKO. ÉTUDES SUR LA POLÉMIQUE ENTRE THÉODORE MÉTOCHITE ET NICÉPHORE CHOUMNOS.

Bruxelles, 1962 (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, Subsidia III), p. 330

Изучение идейной и политической борьбы в Византии XIV в. еще только начинается. Одним из важнейших препятствий для подобного исследования является неизданность многих текстов, в результате чего мы просто не знаем взглядов самых известных писателей или неверно представляем себе их отношения между собой.

Профессор Колумбийского университета И. И. Шевченко сделал немало для расширения наших знаний об идейной жизни империи в первой половине XIV в. В частности, он издал любопытный диалог Алексея Макремволита, показывающий, сколь ожесточенными в ту пору были противоречия между богатой верхушкой византийского общества и беднотой¹. В рецензируемой работе исследователь снова вводит в оборот не изданные до сих пор памятники.

В основе исследования лежат два трактата Феодора Метохита, издаваемые по венской рукописи (Vindob. Phil. Gr. 95): «Опровержение несведущих» (Ἐλεγχος κατὰ τῶν ἀπαιδέτως χρωμένων τοῖς λόγοις) (стр. 188—217) и «Второе опровержение» (Ἐλεγχος δεύτερος πρὸς τοὺς αὐτοὺς) (стр. 218—265). Оба текста опубликованы критически и сопровождаются французским переводом.

Изданию предшествует детальный анализ взаимоотношений между Феодором Метохитом и Никифором Хумном — двумя влиятельнейшими вельможами при дворе Андроника II. Современные исследователи (в том числе Р. Гийан) представляют их друзьями; и действительно, сохранилась переписка между ними, носящая дружеский характер. Однако дружеские отношения были лишь временными (стр. 20).

Шевченко в доказательство этого тезиса подвергает прежде всего анализу изданные еще в 1831 г. два памфлета Никифора Хумна, полемизирующего с каким-то анонимным противником. Шевченко удается прийти к неожиданному выводу — этим противником Хумна был великий логофет Феодор Метохит (стр. 34 сл.). При этом оказывается, что трактаты Метохита, издаваемые в рецензируемой книге, направлены как раз против памфлетов Хумна (стр. 46 сл.).

Пolemика между Хумном и Метохитом разворачивалась вокруг вполне академических вопросов — о стиле (и в частности о стиле Фукидида), о преимуществах астрономии перед физикой. Тем не менее Шевченко прав, подчеркивая, что страстность споров заставляет предполагать, что подлинная причина дискуссии носила политический характер (стр. 145). Шевченко, устанавливая, что дискуссия протекала в середине 20-х годов XIV в. (стр. 144), приходит затем к выводу, что она была связана с соперничеством обоих вельмож. Это соперничество зародилось еще в начале XIV в. (между 1305 и 1312 гг.), когда Метохит оттеснил Хумна от руководства политической жизнью страны (стр. 150). Оно свидетельствовало о существовании при дворе Андроника II двух политических партий. Шевченко предполагает, что потерпевшего поражение Хумна поддерживал маркиз Монферратский Феодор Палеолог (стр. 163 сл.).

В эпилоге Шевченко рассматривает борьбу Хумна и Метохита как столкновение двух честолюбцев, как чисто личное противоречие (стр. 167 сл.). Вряд ли только личной завистью ограничивались эти противоречия, вряд ли только честолюбивые планы отдельных вельмож в этом государстве, которое Шевченко справедливо называет феодальным (стр. 6), определяли возникновение «партий» при константинопольском дворе. В конечном итоге спор шел между разными группами феодалов, о разных путях феодального развития² и в какой-то мере подготавливал гражданскую войну 40-х годов. Однако выяснить конкретные линии социальных противоречий пока еще не удается.

Книга содержит пять приложений, где рассмотрены некоторые частные моменты биографии Метохита и издан анонимный трактат первой половины XIV в. «В защиту новых и древних мудрецов, подвергшихся несправедливой критике» — по Vindob. Theol. Gr. 174 и Vatic. Gr. 122 (см. о нем стр. 61 сл.). Книга содержит ряд снимков с рукописей и удобный указатель.

А. К.

¹ I. Ševčenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor». ЗРВИ, кн. 6, 1960 (см. мою рецензию — ВИ, 1960, № 10, стр. 193 сл.).

² См. об этом М. Я. С ю з м о в. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 61.